

Acta eruditorum

2021

выпуск 36

ИЗДАЕТСЯ
РУССКОЙ ХРИСТИАНСКОЙ
ГУМАНИТАРНОЙ АКАДЕМИЕЙ

ПОСВЯЩАЕТСЯ
200-ЛЕТИЮ
Н. А. НЕКРАСОВА

Acta

eruditorum 2021

Выпуск 36

Главный редактор

К. В. Преображенская

Зам. главного редактора

В. А. Егоров

М. Ю. Хромцова

Отв. секретарь редколлегии

О. И. Кулиев

Редакционная коллегия

И. А. Вахрушева

А. А. Синицын

С. М. Капилупи

Н. С. Широглазова

В. Б. Высоцкий

Издается с 2005 г.

Содержание

Баталова Т. П., Федянова Г. В. СТИХОТВОРЕНИЕ Н. А. НЕКРАСОВА «КОЛИЗЕЙ»: ПРОБЛЕМА ЖАНРА В СВЕТЕ СОЦИОЛОГИЧЕСКОЙ ПОЭТИКИ П. Н. МЕДВЕДЕВА	3
Богданова О. В., Митрофанова И. А. «КРЕСТЬЯНСКИЙ ГРЕХ» И НАРОД-ВАХЛАК (ПРОБЛЕМА ФИНАЛА ПОЭМЫ Н. А. НЕКРАСОВА «КОМУ НА РУСИ ЖИТЬ ХОРОШО»)	8
Богданова О. В., Некрасов С. М. ФОЛЬКЛОРНЫЕ МОТИВЫ В ПОЭМЕ Н. А. НЕКРАСОВА «КОМУ НА РУСИ ЖИТЬ ХОРОШО»	16
Богданова О. В., Некрасов С. М. МОТИВ САМОУБИЙСТВА В ГЛАВЕ «ПИР НА ВЕСЬ МИР» (ПОЭМА Н. А. НЕКРАСОВА «КОМУ НА РУСИ ЖИТЬ ХОРОШО»)	23
Давыдова Т. Т., Спицына Е., Проскурина Д., Губаль В., Дерябина Е. ЦЕЛОСТНЫЙ АНАЛИЗ ПОЭТИЧЕСКОГО ПРОИЗВЕДЕНИЯ (Н. А. НЕКРАСОВ «ТЯЖЕЛЫЙ КРЕСТ ДОСТАЛСЯ ЕЙ НА ДОЛЮ...»)	29
Давыдова Т. Т., Шапиро А. М. РЕДАКТОРСКИЙ АНАЛИЗ ИЗДАНИЙ Н. А. НЕКРАСОВА 2015–2020 ГОДОВ	36
Ерохина Т. И. «(АВТО)БИОГРАФИЯ КАК КУЛЬТУРНЫЙ КОД: Н. А. НЕКРАСОВ»	41
Красильников Г. В., Богданова О. В. ОБРАЗ ДВОРОВОГО ИЗ ПОЭМЫ Н. А. НЕКРАСОВА «КОМУ НА РУСИ ЖИТЬ ХОРОШО» В КОНТЕКСТЕ РУССКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ	48
Митрофанова И. А., Богданова О. В. К ВОПРОСУ О КОМПОЗИЦИОННОМ ПОСТРОЕНИИ ГЛАВЫ «ПИР НА ВЕСЬ МИР» (Н. А. НЕКРАСОВ «КОМУ НА РУСИ ЖИТЬ ХОРОШО»)	52
Некрасов С. Н., Богданова О. В. ПРЕТЕКСТУАЛЬНЫЕ ПЛАСТЫ ПОЭТИЧЕСКОЙ ДЕКЛАРАЦИИ Н. А. НЕКРАСОВА «ПОЭТ И ГРАЖДАНИН»	56
Святославский А. В. СЕМЕЙНАЯ ТЕМА В ПРОЗЕ АВДОТЬИ ПАНАЕВОЙ 1840–50-Х ГОДОВ	67
Святославский А. В., Яцкив Е. А. РОЛЬ ЖЕНСКОГО ОБРАЗА В ПОИСКАХ ПОЛОЖИТЕЛЬНОГО ГЕРОЯ: ГЕНДЕРНЫЙ АСПЕКТ ПОВЕСТИ В. А. СЛЕПЦОВА «ТРУДНОЕ ВРЕМЯ»	72
Талашов Г. П., Богданова О. В. ОБРАЗ РАЗБОЙНИКА КУДЕЯРА В ФОЛЬКЛОРЕ И В ПОЭМЕ Н. А. НЕКРАСОВА «КОМУ НА РУСИ ЖИТЬ ХОРОШО»	77
Талашов Г. П., Богданова О. В. МОТИВ ПЬЯНСТВА И ЕГО ФИЛОСОФСКИЙ ПОТЕНЦИАЛ В ПОЭМЕ Н. А. НЕКРАСОВА «КОМУ НА РУСИ ЖИТЬ ХОРОШО»	82
Яцкив Е. О. ОТРАЖЕНИЕ РОМАНТИЧЕСКОЙ ТРАДИЦИИ В ПОЭМЕ Н. А. НЕКРАСОВА «МОРОЗ, КРАСНЫЙ НОС»	90

DOI 10.25991/AE.2021.1.36.012
УДК 82.161.1

Святославский А. В., Яцкив Е. А.

Святославский Алексей Владимирович — доктор культурологии, профессор кафедры русской классической литературы, Московский педагогический государственный университет, руководитель Центра русского языка и культуры им. А. Ф. Лосева

Email: av.svyatoslavskij@mpgu.su

Яцкив Екатерина Олеговна — магистр филологии, специалист Центра русского языка и культуры им. А. Ф. Лосева, Институт филологии Московского педагогического государственного университета

Email: katya.yatskiv@mail.ru

**РОЛЬ ЖЕНСКОГО ОБРАЗА В ПОИСКАХ ПОЛОЖИТЕЛЬНОГО ГЕРОЯ:
ГЕНДЕРНЫЙ АСПЕКТ ПОВЕСТИ В. А. СЛЕПЦОВА «ТРУДНОЕ ВРЕМЯ»**

В статье раскрыта роль женского образа в повести Василия Слепцова «Трудное время». В противовес традиционному обращению к образам героев-мужчин как приоритету при анализе повести, имеющему место в литературоведении последних полутора веков, сделана попытка показать, что центральный женский образ Марьи Щетининой неслучайно вписан Слепцовым в галерею прекрасных русских женщин, последовательно создаваемую его другом Н. А. Некрасовым. В соответствии с выдвинутой гипотезой авторы стремятся доказать, что в повести фактически только Марья является полноценным положительным героем, что оттеняется образами обоих мужчин, с которыми свела судьба героиню. Авторы привлекают биографический метод для осмысления гендерных аспектов повести в связи с немалой ролью, которую играл Слепцов в процессе женской эмансипации. В статье содержится анализ работ К. И. Чуковского, написанных в 1930-е гг. о Слепцове и его повести, включая анализ причин, заставивших самого Чуковского со временем радикально изменить взгляд на Слепцова как последовательного сторонника революционных идей. Находясь в «Современнике», условно говоря, между Некрасовым и Н. Г. Чернышевским, Слепцов был идейно ближе Некрасову, считают авторы статьи.

Ключевые слова: В. А. Слепцов, «Трудное время», эмансипация, женский образ в литературе, коммуна, Н. А. Некрасов, гендер.

A. V. Svyatoslavsky, E. O. Yatskiv

The role of the female image in the search for a positive hero:
the gender aspect of the story by V. Sleptsov «Hard Time»

The article reveals the role of the female image in Vasily Sleptsov's story «Hard Time». In contrast to the traditional appeal to the images of male heroes as a priority in the analysis of the story that has taken place in literary criticism of the last century, an attempt is made to show that the central female image of Marya Shchetinina was not accidentally inscribed by Sleptsov in the gallery of beautiful Russian women, consistently created by his friend N. Nekrasov. In accordance with the hypothesis put forward, the authors seek to prove that in the story, in fact, only Marya is a full-fledged positive hero, which is set off by the images of both men with whom fate brought her. The authors use the biographical method to comprehend the gender aspects of the story, in connection with the significant role played by Sleptsov in the cause of women's emancipation. The article contains an analysis of the works of K. Chukovsky, written in the 1930s about Sleptsov and his story, including an analysis of the reasons that forced Chukovsky himself over time to radically change his view of Sleptsov as a consistent supporter of revolutionary ideas. Being in *Sovremennik*, relatively speaking, between Nekrasov and N. Chernyshevsky, Sleptsov was ideologically closer to Nekrasov, the authors of the article believe.

Keywords: Vasily Sleptsov, Nicolay Nekrasov, gender problems, women's emancipation.

Долгое время в отечественном литературоведении творчество Василия Алексеевича Слепцова рассматривалось в контексте проблемы судеб крестьянства, и оно легко вплеталось в общую канву более или менее беллетризованных этнографических очерков, определивших целый пласт народнической или демократической, иначе разночинской, литературы 1860–80-х годов, куда вошли имена Глеба и Николая Успенских, Федора Решетникова, Александра Левитова, Николая Златовратского и других.

Однако Слепцов оказался не «одним из», а достаточно яркой индивидуальностью среди народников и демократов-шестидесятников не только в силу своего совсем не разночинского, а дворянского про-

исхождения, но в силу своего немалого вклада в зарождение феминистического движения в России, в освобождение женщины из того неестественного положения, в котором ее держала традиционная гендерная культура той эпохи. Значение Знаменской коммуны, созданной Слепцовым в рамках содействия процессу раскрепощения и просвещения женщины, на наш взгляд, представляет собою подготовленное ходом истории явление, ведь подобные самоорганизующиеся коммуны создаются как новые формы общежития и в России, в Европе и в Америке. С другой стороны, на наш взгляд, значение Знаменской коммуны явно недооценено, ибо в оценке ее до сих пор доминирует акцент именно на *неудаче* Слепцова,

осуждаемой или как афера, или как неудачный эксперимент с апробацией литературной утопии Чернышевского, или как пагубный вызов традиционной христианской гендерной этике (идея т. н. «свободной любви», за что коммуна и подверглась гонению). Однако совершенно очевидно, что Знаменская коммуна была в реальности не местом ночных оргий и не прибежищем нигилистов, желающих разрушить все и вся, а попыткой построения новых принципов общежития в условиях того неблагополучия в русском обществе, о котором так охотно свидетельствуют вся русская классика 2-й пол. XIX века.

Близко знавшая Слепцова А. Я. Панаева категорически протестует против имевших место грубых и недостойных интерпретаций общественной деятельности Слепцова, нашедших отражение, в т. ч. в романе Вс. Крестовского «Панургово стадо» и повести Н. Лескова «Загадочный человек».

Панаева отмечает оптимизм и мужество Слепцова, проявлявшееся даже тогда, когда он вернулся в Петербург в 1876 году тяжело больным и оказался совершенно одиноким, потому что оставшиеся в столице бывшие сподвижники отвернулись от него. Панаева вспоминала: они «до смешного боялись встречаться со Слепцовым, с которым несколько лет тому назад пропагандировали женский вопрос. Они воображали, что знакомство с бывшим организатором коммуны может скомпрометировать их чиновную карьеру» [6, с. 383].

В том же 1863 году, когда формируется коммуна, он устраивает научно-популярный лекторий для женщин, пытается содействовать трудоустройству одиноких женщин, открыв переплетную мастерскую и бюро по переписыванию и переводу рукописей.

К. И. Чуковский в работе «Тайнопись «Трудного времени»» сделал подробный разбор критических статей о повести Слепцова по состоянию на начало XX века, свидетельствуя, что критиков при всем разнообразии их взглядов занимала проблема интерпретации двух мужских образов повести — Рязанова и Щетинина, что вполне закономерно. Чуковский выявил богатый спектр этих интерпретаций, когда герои воспринимались критикой не только по-разному, что естественно, но образы их подчас трактовались с точностью до наоборот. В зависимости от идеологических убеждений, положительными героями оказывались то один, то другой, многие повесть воспринималась как свидетельство глубокого пессимизма автора в отношении перспектив улучшения жизни в пореформенной России.

Последняя точка зрения нашла выражение и в наше время, в частности, в работе А. Е. Козлова. «Очевидно, — пишет исследователь, — что произведение может быть рассмотрено как деривация полемикального романа, романа о новых людях, типологически связанного с прозой Чернышевского, и как вторичный текст, связанный с репрезентацией героя базаровского типа, содержащий «завязь» неждановского типа. Однако представленный выше анализ нарративных и миротворческих стратегий

Слепцова открывает иную возможность интерпретации произведения. В этом ракурсе «Трудное время» становится романом разочарования, выходя за пределы социального и затрагивая онтологическое» [4, с. 135]. Далее автор заключает: «В семиотическом плане это произведение может быть названо «реквиемом» по новому человеку, который, как бы парадоксально это ни было, прозвучал из демократического лагеря» [4, с. 136].

На наш взгляд, все выглядело бы именно так, если бы не образ Марьи Николаевны Щетининой в повести*. Образу Марьи уделено литературоведами совсем немного внимания на фоне спора о достоинствах и недостатках мужских характеров. А ведь именно благодаря ему повесть получает в итоге достаточно светлое звучание, пополняя собою произведения русской классики, в которых показано превосходство женщины и в общем жизнеутверждающем плане, и в плане утверждения женственности как компенсации всего плохого, что связано с мужским гендером. «Мужик изработался», — скажет впоследствии М. Горький [3, с. 345]. По аналогии с многожды цитированной в советское время мыслью В. И. Ленина о том, что дело революционных демократов, захлебнувшись само по себе, тем не менее, не пропало даром в отношении революционной истории России, можно и в отношении эмансипации женщины, понимаемой в самом высоком смысле, заключить, что деятельность женщин типа Марии Щетининой — принесла в итоге немалые плоды. Пройдет без малого десятилетие после описанных в повести событий, и профессору В. И. Герье удастся сломить сопротивление консерваторов и открыть путь к женскому высшему образованию созданием Московских Высших женских курсов (1872). Скоро в России появятся первые женщины-учителя, женщины-врачи. Женщины сыграют свою роль уже не только в рамках умягчения нравов семейных, XX век заставит почувствовать положительную роль женщины в большом социальном масштабе.

То, что Щетинина уходит в финале повести как бы в никуда, не продемонстрировав читателю хоть какой-то реальной общественно полезной деятельности, вроде Лидии из чеховского «Дома с мезонином», нисколько не смущает, потому что на дворе еще начало 1860-х. Это во-первых, а во-вторых, Слепцову (при некоторых слабостях его повести в художественном отношении), делает честь именно то, что он вопреки расхожему мнению об абсолютном влиянии на его вещь романа «Что делать?», создал художественное произведение, а не скрытый под маской беллетристики политический манифест, герои которого страдают определенной схематичностью, идеологической детерминированностью, как это вышло у Н. Г. Чернышевского. Мы согласны с У. К. Брумфильдом, который пишет: «Представив некую разновидность радикальной идеологии, характерной для 60-х годов XIX века,

* Слепцов называл «Трудное время» романом, чему следуют и некоторые критики. Мы придерживаемся точки зрения К. И. Чуковского на жанр данного произведения как повесть.

и при этом не пытаюсь идеализировать поборников этих взглядов, Слепцов счастливо избежал того, что не удалось Н. Г. Чернышевскому, — его герои не превратились в ходульных апологетов упрощенческой и утопичной теории» [1, с. 294].

В лице Щетининой Слепцов показывает прекрасный душевный порыв русской женщины той эпохи, и важнейшим аргументом в пользу нашей точки зрения является то, что она, во-первых, волею автора не уходит с Рязановым, и, во-вторых (это критически важно для понимания замысла Слепцова) — она-таки *уходит* искать себя в жизни, несмотря на отказ Рязанова соединить свою судьбу с нею. То есть сексуальность, чисто женское влечение к мужчине, пришедшему из иного мира и выгодно контрастирующего поначалу с ее мужем, — не является определяющим. Рязанов становится лишь уготованным судьбою пусковым рычагом, который запускает движение, уже созревшее в ее душе. Сам Рязанов в финале повести прямо открывает глаза Щетинину на неизбежность того что произошло и ничтожность своей роли на фоне главного: «В том-то и штука. Тут сила, брат, не во мне. Не со мной, так с другим, не с другим, так с бабой с какой-нибудь поговорила бы по душе, все то же бы вышло. Не теперь, так через год, а уехала бы все равно. Вот разве совсем запретить разговаривать... Да впрочем, и то надо принять в расчет, что книжки такие есть. И без разговору всю эту штуку поймет. Ничего не поделаешь <...> Основание тут, брат, жизнь. Жить хочет женщина; а мы с тобой так только, в качестве благородных свидетелей, участвуем в этом деле» [8, с. 156].

Весьма ценно последнее замечание в контексте проблематики нашей статьи. Действительно, для нас образ Щетининой важен именно потому, что он вполне правдоподобно отражает путь лучших русских женщин к обретению полноценной в социальном аспекте *жизни*.

Марья Николаевна оказывается не из тех героинь, которые, подобно Елене Стаховой у Тургенева или растворившей себя в муже чеховской Душечке (высоко оцененной Л. Н. Толстым), проявляют себя исключительно через мужчину. Финал повести Слепцова убеждает в обратном: Щетинина демонстрирует возможности самостоятельной конструктивно-ориентированной женской судьбы, ломающей доминирующий в русской культуре XIX века стереотип женщины как придатка мужчины. В данном контексте, на наш взгляд, уместно упомянуть критически осмысленную Чернышевским в одноименной статье ситуацию «русского человека на rendez-vous» [9], в которой героиня, будучи более смелой и решительной, чем мужской персонаж, оказывается достаточно сильной для того, чтобы совершить первый шаг и разрешить конфликтную ситуацию. Женщина перестает быть зависимой от мужских поступков, решает свою судьбу самостоятельно, что, безусловно, поражает общественность, придерживающуюся патриархальных взглядов на гендерную культуру.

В связи с проблематикой настоящей статьи хотелось бы еще раз отметить среди вдохновителей повести Слепцова, помимо Чернышевского с романом «Что делать?», Николая Алексеевича Некрасова, сотрудничество с которым в «Современнике» видится неслучайным в силу органической приверженности Некрасова к гендерной проблематике, связанной с судьбою русской женщины. Так, к примеру, проблема судьбы русской женщины поднимается в поэме Некрасова «Саша» (1855), главная героиня которой во многом напоминает читателю Марью Николаевну. Саша, «естественный человек», воспитывается на лоне природы, в окружении густых лесов, колосащихся полей и простых, добрых людей:

Дико росла, как цветок полевой,
Смуглая Саша в деревне степной.
<...>
Саша не знает сомненья тревог.
Вот по распаханной, черной поляне,
Землю взрывая, бредут поселяне —
Саша в них видит довольных судьбой
Мирных хранителей жизни простой...
[5, с. 12–13]

Отсутствие систематического светского образования способствовало сохранению ясности сердца и ума, ставших благодатной почвой для посева в них идей Льва Алексеича Агарина, барина нового образца, который «ласков с прислугой, как будто не барин». Подобно Рязанову, делившемуся своими мыслями о путях дальнейшего общественного развития, в том числе с Марьей Николаевной, Агарин много говорит с Сашей, обучает её французскому языку, читает с ней книги. Саша, очарованная новым миром, открытым ей соседом, отправившимся на «дело» (автор не уточняет, на какое дело; о деле Рязанова мы тоже ничего толком не знаем), продолжает заниматься самообразованием. Она прозревает, начиная замечать нелюбимые стороны жизни простого человека, и стремится помочь ему:

И наконец набралась же ума!
Что ни спроси, растолкует, научит,
С ней говорить никогда не наскучит;
А доброта... Я такой доброты
Век не видал, не увидишь и ты!
Бедные все ей приятели-друзи:
Кормит, ласкает и лечит недуги [5, с. 22].

Теорией малых дел, пожалуй, руководствовались и Марья Николаевна, стремившаяся оказывать помощь крестьянам, которые приходили к ней в случае болезней и семейных конфликтов. Однако Марья Николаевна, как и Саша, этого было мало. Они стремились к чему-то большому, к тому, что поможет отойти от «малых дел» и приведет к глобальным преобразованиям. В обоих случаях мужские персонажи не способны удовлетворить потребности героинь, которые оказываются сильнее своих «просветителей», более целеустремленными и активными. Опираясь на тургеневскую концепцию, можно

сказать, что в них больше *донкихотства*, тогда как герои-мужчины ближе к *Гамлетам*. Финалы обоих произведений, лишённые однозначных решений, свидетельствуют о некотором сходстве в решении одной проблемы двумя авторами.

Связь строчек из стихотворения Некрасова «Рыцарь на час» и названия повести Слепцова («Захватило вас *трудное время* / Неготовыми к трудной борьбе». Курсив наш — А. С., Е. Я.) было замечено и взято Чуковским в качестве эпиграфа к статье «Тайнопись «Трудного времени»». Однако Чуковскому в силу его гипотезы о необходимости расшифровки эзопова языка и тайнописи Слепцова пришлось доказывать, что некоторая неготовность Рязанова как представителя революционных демократов-шестидесятников к борьбе не означала обречённости борьбы, как это увиделось многим читателям и критикам. Чуковский видит временный отход героя от активных действий как мнимый и вызванный конспирацией, это не свидетельство его поражения, но наоборот, при этом Чуковский идет даже дальше, пытаясь доказать наличие черт самого Чернышевского в качестве одного из прототипов Рязанова [13, с. 233].

По мнению Чуковского, Рязанов продолжает борьбу, и свидетельством этого является как отъезд в столицу Марья Николаевна, так и отъезд в финале повести с самим Рязановым дьячкова сына, который, подобно героине, бросает вызов пошлой и несправедливой российской действительности. «Пусть на первом этапе борьбы люди революционного лагеря оказались неготовыми к ней, это вовсе не значит, что они не одержат победу в одном из дальнейших боев. Для этих-то дальнейших боев и вербует Рязанов новых рекрутов в революционную армию — Марью Николаевну Щетинину и безымянного дьячкова сына, которого увозит с собою», — таково мнение Чуковского [13, с. 230].

Тем не менее, нам кажется, что если даже принять гипотезу Чуковского о Рязанове как продолжающем борьбу в подполье (в отличие от своего создателя Слепцова, который в полном смысле революционером никогда и не был, а был именно просветителем на почве социальной эволюции), нет никаких свидетельств о прямой ли, косвенной ли «вербовке» Щетининой в лагерь революционеров. Более того, претензии самой Щетининой, высказываемые мужу, не дают нам основания полагать, что она стремится к революционной борьбе. Ее действительно раздражает демонстрируемое крестьянами полное непонимание тех мер, которые они с мужем предлагают для некоторого облегчения жизни народа, но она скорее знает, чего она *не хочет*, чем стремится к овладению методами радикального переустройства общества, предлагаемым революционерами. Охлаждение к мужу также подталкивает к отъезду. «Я Вам теперь скажу, — пишет она к мужу, — что я Вас не люблю, да и не только Вас, но и вообще все, что здесь делается, все эти люди...» [8, с. 138], намеренно выделяя на письме слова «вас не люблю». Налицо кризис семейных отношений и разочарование в без-

результатной в общественно-полезном смысле деятельности мужа и его окружения, однако в свое время, выходя за Щетинина и стремясь к какому-то «делу», едва ли Марья Николаевна вполне отдавала себе отчет в том, что под делом имеется в виду социальная революция. В ее обращенном к мужу монологе это звучит так: «Ты мне сказал: мы будем вместе работать, мы будем делать великое дело, которое, может быть, погубит нас, и не только нас, но и всех наших; но я не боюсь этого. Если вы чувствуете в себе силы, пойдемте вместе. Я и пошла. Конечно, я тогда еще была глупа, я не совсем понимала, что ты там мне рассказывал» [8, с. 49].

Отсюда легко допустить, что уходя наконец в новую жизнь, Щетинина не собирается метать бомбы во власть предрержащих и писать возбуждающие к крестьянскому бунту воззвания. Сам Слепцов, находясь в редакции «Современника», условно говоря, между Чернышевским и Некрасовым, безусловно, был ближе к Некрасову, не разделяя радикализма Чернышевского. В работе «История Слепцовой коммуны», написанной, как и цитированная выше статья Чуковского, в начале 1930-х годов, ощущается характерный для советского литературоведения этого периода пафос революционного переустройства мира, который заставил исследователя всячески усиливать якобы имевший место революционный радикализм Слепцова. Тем не менее, очевидно, что целый ряд свидетельств современников Слепцова, относившихся к его деятельности вполне объективно и с симпатией (А. Я. Панаева, В. П. Буренин), не давали повода считать его сторонником насильственных методов в противовес эволюционному пути прогресса в судьбе России. Встав на путь поисков эзопова языка в публицистике Слепцова и в повести «Трудное время», Корней Иванович Чуковский заходил слишком далеко в радикализации идей Слепцова, когда писал, что «Слепцов был принципиальным сторонником «насильственного переворота», революционной перестройки ненавистного строя, что и доказал всей своей боевой публицистикой в том же 1863 году» [12, с. 258]. Подобная позиция может быть оправдана желанием открыть творчество Слепцова для советского читателя, а это требовало «революционизировать» его взгляды и деятельность в глазах тех, от кого зависело возвращение имени Слепцова в разряд приемлемых для советской власти писателей XIX века.

В связи с осмыслением концепта «дело» в контексте демократического движения 1860-х годов хотелось бы сделать важное уточнение: представление об «общем деле» (Чуковский также употребляет это словосочетание в работе «История Слепцовой коммуны») не сводилось у участников этого движения исключительно к подготовке насильственных методов свержения существующего строя.

И вот на склоне лет сам Корней Иванович записывает в дневнике 22 октября 1967 года. «Замучен корректурами пятого тома своих сочинений — где особенно омерзительны мне статьи о Слепцове. При

чем я исхожу в этих статьях из мне опостылевшей формулировки, что революция это хорошо, а мирный прогресс — плохо...» [10, с. 448].

Поэтому нам видится неверным в образе героини повести Слепцова принимать твердость ее характера в поисках пути общественного служения за стремление к революционным мерам социального переустройства.

На наш взгляд, неверно, как иногда делают, напрямую ассоциировать Рязанова с самим Слепцовым, который (дескать) разочаровался во всем после ареста в 1866 года. Согласимся с близко знавшей Слепцова известной мемуаристкой Е. Н. Водовозовой, которая пишет по этому поводу: «Рязанов относился с большою сдержанностью, а то и с сарказмом к тем, кто обращается к нему за советом или разрешением недоразумений [и в этом, кстати, его отличие от Базарова. — А. С., Е. Я.]. Слепцов же на всякий призыв о помощи, материальной или духовной, отзывался всем сердцем» [2, с. 438]. Важно и другое замечание Водовозовой в связи с мнениями о разочаровании Слепцова в общественной деятельности после неудачи с коммуной и ареста. «Несмотря на свою сдержанность и внешнюю холодность, Слепцов был человеком с чутким сердцем и великодушным характером, с мятежною душою, вечно ищущей, с живою общественною жилкою. Его предприятия с общественною целью далеко не всегда удавались, но он не терял мужества, не унывал и немедленно принимался за выполнение новых планов <...> Среди разнообразных идей, волновавших тогдашнее общество, разрешение женского вопроса казалось ему наиболее необходимым и не терпящим отлагательства, так как, по его словам, прекрасная половина рода человеческого была в то же время наиболее слабою и угнетенною» [2, с. 434, 436].

Говоря об эмансипации женщин, нельзя не отметить важного момента: Слепцов, хотя и создал ряд симпатичных образов женщин из народа, в то же время, прекрасно понимал, что освобождение женщины возможно в России только через просвещение. Веками воспитанная в патриархальной культуре со своим страхом мужика и одновременно со страхом остаться без мужика, русская женщина из необразованных сословий порой проявляет черты, не позволяющие идеализировать ее. В июне 1863 года, прямо накануне создания «Знаменской коммуны», Слепцов описывает в дневнике следующее случившее с ним происшествие: «...часу в двенадцатом ночи шел я по Вознесенскому проспекту, вдруг слышу страшный крик; я побежал и вижу, на тротуаре стоит женщина, прижавшись спиной к стене. Перед нею стоит мужчина и бьет ее по лицу: она только покачивается из стороны в сторону. Я схватил его за шиворот и закричал: Эй! городской, возьми его! Женщина еще пуще стала кричать: Батюшки! не берите его! — Да ведь он бил тебя! — Нет, не бил. Я с ним шла, а вот этот (т. е. я-то) пристал и зачал его бить, весь сюртук ему изорвал... Тут уж пошла такая ерунда, что я насилу мог выпутаться. — Что

ты за человек? Зачем ты вступался? Тебе какое дело?.. кричали на меня со всех сторон. — За эдакую шкуру вступаться? Не стыдно это вам? — усовещивал меня городской» [7, с. 337].

Поэтому Слепцов предстает не просто литератором, радеющем о правах женщин, но активным деятелем практического движения, целью которого было по существу духовное преображение русской женщины через образование и общественно полезный труд.

Мы готовы вновь солидаризоваться с В. К. Блумфильдом, который — один из немногих исследователей творчества Слепцова — не позволив в прочтении повести мужским образом затмить образ Марьи Щетининой, заключает: «M. Shchetinina, perfectly rendered in her naively idealistic striving for the *nastojashee* delo, will remain perhaps the best sympathetic portrait of women's emancipation in Russian literature» [14, p. 386].

Литература

1. Брумфельд У. К. Базаров и Рязанов: романтический архетип в русской литературе // Знание. Понимание. Умение. 2015. № 3. С. 286–298.
2. Водовозова Е. Н. Василий Алексеевич Слепцов // Водовозова Е. Н. На заре жизни: в 2 т. Т. 2 / вступ ст., подг. текста и комм. Э. С. Виленской М.: Худож. лит.-ра, 1987 С. 433–446.
3. Горький А. М. Пришвину. Серед. апреля 1927 г. Сорренто // Литературное наследство. Т. 70. Горький и советские писатели. Неизданная переписка. М.: АН СССР, 1963. С. 344–345.
4. Козлов А. Е. Нарративная организация романа В. А. Слепцова «Трудное время»: проблемы «тайнописи» // Вестник Томского государственного университета. Филология. 2016. № 4 (42). С. 124–138.
5. Некрасов Н. А. Саша // Некрасов Н. А. Полн. собр. соч. и писем: в 15 т. Т. 4. Поэмы. С. 107.
6. Панаева А. Я. Воспоминания / предисл и комм. К. И. Чуковского. М.: Захаров, 2002. 448 с.
7. Слепцов В. А. Отрывок из дневника // Литературное наследство. Т. 71. Василий Слепцов. Неизвестные страницы. М.: АН СССР, 1963. С. 333–338.
8. Слепцов В. А. Трудное время // Слепцов В. А. Сочинения: в 2 т. Т. 2. М.: ГИХЛ, 1957. С. 3–162.
9. Чернышевский Н. Г. Русский человек на rendez vous // Чернышевский Н. Г. Полн. собр. соч.: в 16 т. М.: ГИХЛ, 1947. Т. 5. С. 156–174.
10. Чуковский К. И. Дневник 1967 г. // Чуковский К. И. Собр. соч.: в 15 т. Т. 13. Дневник (1936–1969) / коммент. Е. Чуковской. М.: Агентство ФТМ, 2017. С. 434–453.
11. Чуковский К. И. Жизнь и творчество Василия Слепцова // Чуковский К. И. Собр. соч.: в 15 т. Т. 9. Люди и книги / комм. Б. Мельгунова и Е. Ивановой. М.: Агентство ФТМ, 2017. С. 165–202.
12. Чуковский К. И. История слепцовской коммуны // Чуковский К. И. Собр. соч.: в 15 т. Т. 9. Люди и книги / комм. Б. Мельгунова и Е. Ивановой. М.: Агентство ФТМ, 2017. С. 240–268.
13. Чуковский К. И. Тайнопись «Трудного времени» // Чуковский К. И. Собр. соч.: в 15 т. Т. 9. Люди и книги / комм. Б. Мельгунова и Е. Ивановой. М.: Агентство ФТМ, 2017. С. 203–239.
14. Brumfield W. C. Sleptsov Redivivus // Знание. Понимание. Умение. 2014. № 2. С. 357–389 (на англ. яз.).